

**Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
Исторический факультет**

На правах рукописи

Ширков Андрей Викторович

**Политика США в отношении АТЭС
в 1989-2001 годах.**

Раздел 07.00.00 — Исторические науки
Специальность 07.00.03 — Всеобщая история (Новое и новейшее время)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 2008

Работа выполнена на кафедре новой и новейшей истории стран Европы и Америки Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель: **Сидоров
Андрей Анатольевич**
кандидат исторических наук, доцент
(исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова)

Официальные оппоненты: **Гарбузов
Валерий Николаевич**
доктор исторических наук
(Институт США и Канады РАН)

**Скоробогатова
Наталья Сергеевна**
кандидат исторических наук
(Институт Дальнего Востока РАН)

Ведущая организация: Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

Защита состоится 25 ноября 2008 года в __ часов на заседании
Диссертационного совета
Д 501.002.12 при Московском государственном университете им. М.В.
Ломоносова.

Адрес: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-й
Учебный корпус, Исторический факультет, аудитория А 416.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. А.М.
Горького (1-й корпус гуманитарных факультетов МГУ).

Автореферат разослан « » октября 2008 г.

Ученый секретарь
Диссертационного Совета
кандидат исторических наук, доцент

Т.В. Никитина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Одной из наиболее фундаментальных тем современных международных отношений является политика Соединенных Штатов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). С конца XIX века, когда американский госсекретарь Д. Хэй впервые сравнил значение Тихого океана для будущих поколений со Средиземным морем для античного мира, внимание политиков и учёных США приковано к этой части мира. Важнейшим, и до сих пор малоисследованным, инструментом американской политики в регионе является форум Азиатско-Тихоокеанского Экономического Сотрудничества (АТЭС).

Диссертационное исследование восполняет пробел, существующий в изучении этого международного института. В теоретическом плане работа может сделать определённый вклад в развитие дискуссии о «мировой политике» в отечественной науке, находясь на стыке внутри- и внешнеполитической проблематики и привлекая приоритетное внимание к роли одного из самых представительных международных форумов — АТЭС. Практическая польза заключается в том, что, насколько позволяют материалы, вскрывается микропроцесс формирования стратегии Вашингтона, а также анализируется эффективность применения различных, во многом новых для отечественной науки о международных отношениях инструментов политики США. Ввиду подготовки России к проведению саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 году, отечественному политико-академическому сообществу особенно важна работа, впервые в российской науке, проливающая свет на формирование, консолидацию и эволюцию повестки дня форума под воздействием наиболее влиятельного государства рассматриваемого периода — США.

Хронологические рамки исследования определяются периодом от основания форума в 1989 году и до Шанхайского саммита 2001 года, который подвёл черту под эволюцией политики США в отношении АТЭС и внутренним институциональным развитием форума. Начиная с саммита в Шанхае, в рамках АТЭС появляется тенденция к обсуждению проблем безопасности (в первую очередь, борьбы с терроризмом) и складывается консенсус в отношении экономической повестки дня.

Объектом диссертационного исследования мы определяем политику США в отношении АТЭС на всех этапах — от формулирования задач до конечного результата (внутренней эволюции форума), и во всех её ипостасях — от военно-политической до экономической и гуманитарной сфер.

Предметом исследования является взаимодействие сформулированной администрациями США стратегии в отношении форума со «средой» (Конгрессом, ключевыми игроками — иностранными государствами, общественным мнением внутри и за рубежом) и результат, получаемый в итоге в виде внутренней структуры АТЭС, его принципов, механизмов и повестки.

Цель диссертационной работы состоит в изучении, на примере АТЭС, механизмов формирования стратегии США (в данном случае на стыке политико-дипломатической, внешнеэкономической и военно-политической сфер); пропагандистских, правовых, экономических и прочих инструментов, применявшихся для достижения поставленных задач; и результатов, которых добивалась политика Вашингтона в данной области (прежде всего, в определении институционального «дизайна» форума) при противодействии иных крупных игроков и общей «среды».

Задачи данного исследования включают в себя:

- выявление внутренних и внешних по отношению к формированию политики США факторов, которые привели к изменению в конце 1980-х — начале 1990-х годов сложившейся послевоенной системы «гегемонии» в АТР и образованию межправительственного форума АТЭС, чему в основном посвящены первые параграфы работы;
- анализ эволюции политики США в отношении форума, интересов Вашингтона в отношении АТЭС, исследование внутренних причин различия в восприятии этих интересов в период администрации Буша-старшего, Клинтона, Буша-младшего с выявлением идейных различий, соотношения позиций администрации, Конгресса, научного сообщества. Кроме внутренних оснований, формулирование целей американского правительства внешних факторов или «среды», изучение влияния которой также входило в задачи диссертационного исследования;

- выявление роли США в эволюции АТЭС, т.е. противоборства исходящих из Вашингтона импульсов и реакции на них внешних игроков;
- исследование внутреннего институционального развития АТЭС, изучение процесса консолидации и изменений организационной структуры, принципов, механизмов и повестки под воздействием различных факторов, прежде всего, участия в форуме США.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что:

- работа является одной из первых в российской и зарубежной историографии, где АТЭС исследуется с точки зрения политики отдельного государства (не России). Долгое время форум рассматривался исключительно как отражение объективных интеграционных процессов в регионе, в которые нашей стране необходимо встраиваться. Новый угол зрения позволяет увидеть форум, как политический проект или даже инструмент определённой политики;
- работа по АТЭС в большой мере опирается на зарубежный опыт теории международных организаций и режимов (в первую очередь, наиболее продвинувшихся в этой области США, Японии, Австралии, отчасти Великобритании, Германии), без чего само понимание проблематики политики и институционального сотрудничества в АТЭС было бы затруднительно;
- для адекватного понимания целей и стратегии США в отношении АТЭС анализируется дискурс политико-академической элиты, по его материалам реконструируется семиотическое поле (т.е. система «знаков») американской политики, позволяющее понимать публичную дипломатию и поведение Вашингтона в его собственных смыслах;
- используются некоторые сравнительно новые аналитические инструменты, помогающие восстановить навязываемые Вашингтоном семиотические модели (ментальные карты) и логику понимания элитой США «структуры ситуаций» (теория игр);
- по материалам прессы, интервью, работам зарубежных журналистов реконструированы внутренняя политическая история форума, скрытые разногласия и конфликты, неосуществленные проекты, которые не были

отражены в официальных документах АТЭС и практически не учитывались в российской науке;

- ключевые официальные документы форума (декларации и своды и принципов) подробно изучаются в рамках сравнительно-правового подхода, как явления «мягкого» (т.е. рекомендательного) права, в общем контексте международного права;

- в научный оборот в России введен широкий круг источников - от документов Белого дома и Конгресса, посвященных АТЭС, до материалов международных конференций и малоизвестных интервью ключевых политиков.

Апробация исследования. Основные положения и научные итоги диссертации были изложены диссертантом в сообщениях на конференциях аспирантов и докторантов и представлены в ряде научных публикаций, в т.ч. в рецензируемом научном журнале «Вестник МГУ. Серия истории», входящем в перечень Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации.

В изданиях, рекомендованных ВАК:

Ширков А. В. Кризис «открытого регионализма» в АТЭС и формирование новой концепции интеграции в АТР в конце 1990-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8, история, № 5, 2007. С. 59-68.

В других изданиях:

Ширков А. В. Политика США в отношении АТЭС в 1989-1994 годах. – деп. в ИНИОН РАН 1 июня 2006 года, № 59772.

Источниковая база.

Источники, позволившие провести исследование, можно классифицировать следующим образом:

- материалы исполнительной ветви власти США, включая доклады различных ведомств;
- резолюции, слушания, доклады и речи законодательной власти;
- статьи, выступления представителей делового и научного сообщества;
- официальные документы АТЭС (декларации, принципы, программы действий, индивидуальные планы действий)

- другие материалы АТЭС (доклады комитетов, рабочих групп, «Группы именитых лиц», Делового консультативного совета)
- материалы различных международных организаций (доклады МВФ, Всемирного банка, ООН и др., декларации, своды принципов)
- американская и зарубежная общеполитическая пресса

Материалы исполнительной власти США представлены брифингами, пресс-конференциями, информационными справками различных структур, в первую очередь, Совета национальной безопасности, Госдепартамента, ведомства торгового представителя США. Первостепенное значение для исследования темы имеют речи ключевых государственных деятелей Вашингтона.¹ По нашему мнению, анализ этих «посланий» администрации американской и зарубежной общественности позволяет не только отслеживать мнение наиболее влиятельных лиц в политике, но и реконструировать их идеологическую составляющую в более широком плане. Речи политических деятелей нередко служат презентациями масштабных идеологических проектов, почти всегда неким камертоном, задающим тон дискуссий политической и научной элиты США и стран региона. Сходное значение имеют доклады различных структур, в том числе Совета национальной безопасности, Пентагона, Совета экономических консультантов, ведомства торгового представителя, изначально рассчитанные на аудиторию, хотя и более элитарную.²

Материалы Конгресса, сравнительно с документами исполнительной власти, имеют преимущественно не прямое отношение к исследуемой теме. Это объясняется отсутствием юридически обязывающих соглашений в рамках АТЭС, требующих ратификации на Капитолийском холме. Тем не менее, Конгресс оказывал колоссальное косвенное влияние на политику в отношении АТЭС (например, вопросы торговли с Японией, «ускоренной процедуры торговых переговоров», НАФТА, реформы Госдепартамента 1995-1996 годов).³ Большое

¹ См.: журналы: US Department of State Bulletin. <http://findarticles.com>; US Department of State Dispatch. <http://dosfan.lib.uic.edu/ERC/briefing/dispatch/>; президентские сайты - Дж. Буша-старшего: <http://bushlibrary.tamu.edu>, У. Клинтона: <http://www.clintonfoundation.org/speeches.htm>; материалы Госдепартамента: <http://www.state.gov/www/publications/dispatch>

² A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. Washington, D.C.: GPO, July 1994; A National Security Strategy for a New Century. The White House, December 1999. United States Security Strategy for the East Asia-Pacific Region. Department of Defense. Office of International Security Affairs, East Asia and Pacific Region. February, 1995; Economic Reports of the President 1989-2001. <http://fraser.stlouisfed.org/publications/ERP/>

³ Например, нашумевший «доклад К. Кокса»: U.S. National Security and Military/Commercial Concerns with the People's Republic of China. United States. House of Representatives. Report by the Select Committee. <http://www.house.gov/coxreport/>

вспомогательное значение имеют работы Исследовательской службы Конгресса (Congressional Research Service), имеющие характер информационных справок, как для законодателей, так и для внешних наблюдателей.⁴

Первостепенное значение в работе придаётся материалам, представляющим взгляды политического, делового и научного сообщества в форме статей в журналах, выступлений на семинарах, конференциях и т.д. От документов исполнительной, и во многом законодательной, власти этот вид источников отличается тем, что ориентирован на диалог и обмен мнениями. Наиболее известной площадкой для «вбрасывания» ключевых идей является журнал “Foreign Affairs”, рупор одного из самых влиятельных «мозговых центров» — Совета по международным отношениям. Статьи этого журнала, как имеющие резонанс в глобальном масштабе, чему доказательством служат нередкие официальные дипломатические столкновения различных стран по поводу статей, привлекали наше первостепенное внимание.⁵

Для изучения политики США в отношении АТЭС неопределимое значение также имеют материалы других интеллектуальных центров — Национального бюро азиатских исследований, собравшего мнения, предложения и мысли наиболее известных политиков, учёных и бизнесменов о подходах к сотрудничеству в форуме; консервативного Фонда Наследие, активно критиковавшего политику Клинтона с позиций Realpolitik; RAND, проводившего активные «стратегические» исследования; «Проекта нового американского века», ставшего лабораторией проектирования неоконсервативного миропорядка; активно ему содействовавшего Американского института предпринимательства, тяготеющего к Демократической партии Брукингского института.⁶

⁴ Cronin R. Japanese and US Economic Involvement in Asia and the Pacific: Comparative Data and Analysis. Congressional Research Service: Report for Congress, 94-764 F, September 27, 1994; Nanto, Dick K. Singapore-U.S. Free-Trade Agreement. // Congressional Research Service Report for Congress. Updated January 24, 2003. Order Code RS 20755; Cooper, William H. The U.S.-Australia Free-Trade Agreement: Provisions and Implications. // Congressional Research Service Report for Congress. Updated January 12, 2005. Order Code RL32375.

⁵ Особое значение для нашей темы имеют такие статьи этого журнала как: Gibney F. Creating a Pacific Community: A Time to Bolster Economic Institutions. // Foreign Affairs. Vol. 72, N. 5. November/December, 1993; Kishore Mahubani. The Pacific Way. // Foreign Affairs. Vol. 74, N. 1. January/February, 1995; Manning, Robert A. Stern, Paula. The Myth of the Pacific Community. // Foreign Affairs. Vol. 73. No 6. November/ December, 1994.

⁶ Americans Speak to APEC: Building a New Order with Asia. National Bureau of Asian Research. Ed. By Ellings R. November 1993, Vol. 4 No 4. Seattle; APEC at the Crossroads: Toward Pacific Prosperity and Cooperation. NBAR. Vol. 6. No 1. April, 1995. Seattle; America, Japan and APEC: The Challenge of Leadership in Asia-Pacific. Vol. 6. No 3. November, 1995; См. Например интересную дискуссию: The New Malaise: Clinton's Adrift in Asia. Heritage Lecture No 500. September 5, 1994. <http://www.heritage.org/Research/AsiaandthePacific/HL500.cfm>; знаменитая концепция — Khalilzad, Zalmay. Congage China. RAND Issue Paper No.187. 1999. http://www.rand.org/pubs/issue_papers/2006/IP187.pdf; важный доклад — Rebuilding America's Defenses. Strategy, Forces and Resources for a New Century. A Report of The Project for the New American Century, September 2000. <http://www.newamericancentury.org/RebuildingAmericasDefenses>

Материалы собственно АТЭС можно разделить на две группы: официальные документы форума, такие как декларации, специальные заявления, «необязывающие принципы» и т.д., и доклады различных близких к нему структур («Группы именитых лиц», рабочих групп, Экономического комитета, Делового Консультативного совета). Характер работы с документами первой группы имеет некий правоведческий оттенок. Несмотря на «необязательность» норм, провозглашаемых в декларациях и официальных заявлениях АТЭС, язык и формулировки в них имеют ключевое значение, вызывая дипломатические столкновения и длительные согласования. Даже декларативное «мягкое» право создает определённые стандарты поведения в экономике (а после 2001 года и в безопасности), отступление от которых ведёт к тяжелым, по крайней мере, репутационным, потерям. Поэтому формулировки в декларациях, «программах» и «принципах» требуют тщательного изучения и элементов сравнительного анализа с другими подобными документами. Значение докладов, индивидуальных планов действий, отчётов и т.д. прежде всего, заключается во влиянии на повестку форума, тематику и приоритеты деклараций, поэтому резонанс от некоторых из подобных документов является весьма большим. Они помогают пролить свет на «внутреннюю кухню» АТЭС, давая обзоры «индивидуальных планов действий», коллективных планов, статистическую информацию, описание встреч рабочих групп.⁷

Материалы других международных организаций, включая МВФ, Всемирный банк, ОЭСР, Азиатский банк развития и др., имеют принципиальное значение для выявления доминировавшей идеологии экономической политики, борьбы за навязывание той или иной модели. Наиболее показательным в этом отношении является доклад Всемирного банка 1993 года, написанный под влиянием Японии, который стал восприниматься, как легитимация японской модели развития.⁸

Сложностью исследований по АТЭС является отсутствие каких-либо протоколов дискуссий или переговоров на встречах лидеров, министров и высших должностных лиц. Публикация деклараций и совместных заявлений отражает

⁷ Наиболее значительные доклады и документы: A Vision for APEC: Towards Asian-Pacific Economic Community. 1993; Achieving the APEC Vision: Free and Open Trade in the Asia-Pacific. 1994; APEC Means Business: ABAC Calls to Action. 1997; Osaka Action Agenda 1995; APEC Beyond the Asian Crisis. APEC Economic Committee. September 1999. Кроме того, компендиумы важнейших документов и докладов: Selected APEC Documents 1989-1994. February 1995; Selected APEC Documents 1995. December 1995; Selected APEC Documents 1996; Selected APEC Documents 1997.

⁸ The East Asian Miracle. Economic Growth and public Policy. A world Bank Policy Research Report. N.Y., 1993.

общие принципы, которые представляют ценность только при знании контекста и «подводных камней», экономических противоречий между членами форума. Восполнить пробел отчасти возможно, опираясь на материалы средств массовой информации, которые составляют последнюю группу источников, использовавшихся в данной работе. Традиционные в подобных исследованиях спутники американиста и международника — “New York Times”, “International Herald Tribune”, “Washington Post”, “Wall Street Journal” могут быть только вспомогательными инструментами, ввиду слабого интереса американских читателей к проблемам АТЭС. В то же время большую ценность представляли номера “Far Eastern Economic Review”, “Asiaweek”, который предоставляет свои номера в Интернете в свободном доступе, начиная с выпусков 1995 года, он-лайн службу “CNN.com”, которая включает в себя также раздел “AsiaNow” и предоставляет информацию по общим событиям региональной жизни.⁹ Особую ценность для реконструкции политики в АТЭС имеет богатое фактическим материалом собрание интервью американского корреспондента японской газеты «Асахи Симбун» Йоичи Фунабаси.¹⁰

Зарубежная литература о политике США в отношении АТЭС группируется вокруг теории международного сотрудничества и режимов. Неореалистские концепции указывают на значение силы для решения проблем сотрудничества. Согласно наиболее известной теории — «гегемонистской стабильности» американского учёного Ч. Киндлбергера проблемы сотрудничества решаются, благодаря гегемону, который, как наиболее заинтересованный актер, обеспечивает необходимую инфраструктуру (создаёт «общественное благо» или public good), независимо от вклада остальных и превращает взаимодействующие государства в «привилегированную группу». С другой стороны, как отмечал один из основателей новой школы международной политэкономии Р. Гилпин, доминирующее государство имеет возможности принудить других к участию в производстве «общественного блага».¹¹ С. Краснер, учёный из Стэнфордского университета, в своей «распределительной концепции» акцентировал внимание на значении гегемона для решения проблем координации (распределения выигрышей среди

⁹ The Review Home Page. <http://www.feer.com/>; Asiaweek. <http://www.asiaweek.com/asiaweek/>; CNN.com. <http://www-cgi.cnn.com/ASIANOW/east/>

¹⁰ Funabashi, Yoichi. *Asia-Pacific Fusion: Japan's Role in APEC*. Washington, 1995.

¹¹ Hasenclever, A. Mayer, P. Rittberger, V. *Theories of International Regimes*. Cambridge, 1997. P. 87-94.

участников режима). Крупнейший американский международник Р. Кохэйн в рамках неолиберальной парадигмы на примере валютно-финансовой, торговой и нефтяной сфер показал, что сотрудничество между «рациональными эгоистами» (т.е. государствами, исходящими из исключительно национальных интересов) возможно и в условиях отсутствия гегемонии, благодаря определённому набору технических мер и механизмов. Д. Снидал, А. Штейн, Л. Мартин и другие американские авторы ситуационно-структурного подхода указывали на то, что «дизайн» института (набор мер и механизмов) зависит от характера проблемы.¹²

Образование АТЭС в 1989 году интерпретировалось американским исследователем Д. Кроуном в русле формирования пост-гегемонистской системы в АТР, в которой США отказывались от роли гегемона, обеспечивающего «общественное благо» (в виде открытого внутреннего рынка) в пользу большего равенства обязательств в духе функциональной теории Кохэйна.¹³ Некоторые специалисты стали говорить о «проторежиме» в инвестиционной сфере, после принятия членами форума «Необязывающих инвестиционных принципов» в Джакарте в 1994 г., режиме «защиты интеллектуальной собственности», развития людских ресурсов и др. под эгидой АТЭС.¹⁴

Учёный Калифорнийского университета Дж. Рэвенхилл достаточно убедительно доказал, что с точки зрения международного режима АТЭС несостоятелен, и не выполняет тех функций по решению проблем коллективных действий и формированию общей идентичности, которых можно было бы ожидать от многостороннего сотрудничества. С позиций теории «гегемонистской стабильности» писали о недостатках АТЭС в качестве режима такие видные американские учёные, как Р. Гилпин, Д. Хеллман, К. Пайл.¹⁵ Д. Рапкин из

¹² *Snidal, Duncan*. Coordination versus Prisoners' Dilemma: Implications for International Cooperation and Regimes. // *The American Political Science Review*. Vol. 79. 1985. P. 923-941; *Martin L L*. Interests, Power, and Multilateralism // *International Organization*. Vol. 46. No 4. Autumn 1992. P. 768-783; *Hasenclever, A. Mayer, P. Rittberger, V*. Theories of International Regimes. Cambridge, 1997. P. 44-59.

¹³ *Crone, Donald*. Does Hegemony Matter? The Reorganization of the Pacific Political Economy // *World Politics*. Vol. 45, No. 4. 1993. P. 501-525.

¹⁴ См.: *Asia-Pacific Crossroads: Regime Creation and the Future of APEC*. Eds. Vinod Aggarwal and Charles Morrison. New York, 1998.

¹⁵ *Gilpin, Robert*. APEC in a New International Order. August 28-29, 1995. // *NBAR*. Vol. 6. No 5; *Hellamn, Donald C*. America, APEC and the Road not taken: International Leadership in the Post-Cold War Interregnum in the Asia-Pacific // *America, Japan, and APEC: The Challenge of Leadership in the Asia-Pacific*. *NBAR*. Vol. 6. No 4. November 1995; *Pyle, Kenneth B*. The Context of APEC: U.S. — Japan Relations // *America, Japan, and APEC: The Challenge of Leadership in the Asia-Pacific*. *NBAR*. Vol. 6. No 4. November 1995.

Университета в Небраске отмечал значение паритета «структурной силы» США и Японии в АТЭС.¹⁶

Позитивистские концепции международного сотрудничества и режимов (неореализм и неолиберализм) в последние десятилетия небезуспешно оспариваются когнитивистским подходом, ставящим во главу угла проблемы знания и восприятия. В применении к международным отношениям когнитивисты (включая грамшианскую школу в неомарксизме) указывают на то, что интересы и идентичности акторов формируются определёнными условиями и идеями, а не являются природной данностью. Учёный Гарвардского университета Э. Джонстон, используя наработки конструктивистов, раскрыл микропроцесс изменения восприятия интересов на примере участия КНР в Региональном форуме АСЕАН (АРФ), показав возможный подход и к изучению АТЭС.

С позиций умеренного когнитивизма рассматривает проблему формирования режима в АТЭС известный американский учёный из Калифорнийского университета (в Беркли) В. Аггарвал, который утверждал, что интересы участников «переговорной игры» вокруг торговой либерализации изменились после формирования «мета-режима» (т.е. норм и принципов) и режимов (правил и процедур) АТЭС.¹⁷

В радикально когнитивистских понятиях проблематику АТЭС описывал японский исследователь Т. Огита, который считал, что эффективному развитию АТЭС, в первую очередь, мешает различие «когнитивных культур» стран Восточной Азии и англосаксонских стран (США, Канады, Австралии, Новой Зеландии).¹⁸ Сходным образом описывают «дилемму АТЭС» американские учёные Н. Галлан и Р. Стаббс. По их мнению, она заключается в столкновении неолиберальной системы ценностей «западных» членов и «азиатского стиля», которого предпочитают придерживаться Япония и большинство стран АСЕАН.¹⁹ В то же время, известный американский специалист по АТР А. Ачарья сомневался в наличии «азиатского стиля», охарактеризовав его, как «дипломатичную

¹⁶ *Rapkin, David P.* The United States, Japan and the power to block: APEC and AMF cases. // *The Pacific Review*. Vol. 14. No 3. 2001.

¹⁷ *Aggarwal, Vinod K.* Analyzing Institutional Transformation in the Asia-Pacific. // *Asia-Pacific Crossroads: Regime Creation and the Future of APEC*. Eds. Vinod Aggarwal and Charles Morrison. New York, 1998. P. 23-65.

¹⁸ *Ogita, Tatsui.* The Origins of Contrasting Views on APEC. IDE APEC Study Center, Working Paper Series 96/97-N.5. March, 1997.

¹⁹ *Gallant, Nicole. Stubbs, Richard.* APEC's Dilemmas: Institution Building around the Pacific Rim. // *Pacific Affairs*. Vol. 70. No 2. Summer 1997. P. 203-218.

формулировку, под которой акторы прячут нежелание предпринимать серьёзные усилия».²⁰

В отечественной науке изучение тихоокеанского регионализма и политики отдельных государств в его отношении начинается в конце 1970-х годов, когда впервые возникла реальная возможность создания межправительственного форума в АТР. Первой крупной работой посвященной проблеме стала коллективная монография специалистов Института востоковедения АН СССР «Тихоокеанский регионализм» под редакцией В. И. Иванова и К.В. Малаховского.²¹ Позднее тему «сообщества» исследовали Е.В. Ковригин и А.О. Богомолов.²² Определённая эволюция интерпретации тихоокеанского регионализма связана с интеллектуальным воздействием Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР, директором которого в 1985 году стал А.Н. Яковлев. Итогом повышенного внимания к тематике азиатско-тихоокеанской интеграции со стороны преемника Яковлева на посту директора ИМЭМО — Е.М. Примакова стал выход в свет коллективной монографии авторов института в 1987 году, в котором тему «сообщества» исследовали Р. Ш. Алиев, И. Д. Иванов, Ю.В. Дмитриев. Авторы отмечали социально-классовую направленность интеграционных процессов имевших место в регионе, но одновременно и объективность их роста.²³ Исследование показывало закономерность возникновения в будущем региональной структуры, наподобие АТЭС.

После кризиса марксистских подходов в отечественной науке начало формироваться новое направление — мирополитическое. В «мировой политике» в центр анализа полагается не внешняя политика отдельных государств, даже не система их отношений, а «среда», ставшая более «плотной» и приобретающая большее значение, чем даже «импульсы, исходящие от американской власти», преломляющиеся через неё.²⁴ Политическая воля акторов под этим углом зрения является производной от условий «среды». В рамках данного направления наиболее плодотворно АТЭС и азиатско-тихоокеанская интеграция изучались в

²⁰ Gallant, Nicole. *Stubbs, Richard*. APEC's Dilemmas: Institution Building around the Pacific Rim. // Pacific Affairs. Vol. 70. No 2. Summer 1997. P. 18.

²¹ Тихоокеанский регионализм: концепции и реальность. Под ред. В.И. Иванова и К.В. Малаховского. М., 1983.

²² Е. В. Ковригин. Противоречия и перспективы формирования «тихоокеанского сообщества». М., 1986; Богомолов А.О. Тихоокеанская стратегия США и АСЕАН. М., 1989.

²³ «Тихоокеанское сообщество: планы и перспективы». Отв. ред. И.И. Коваленко. М., 1987.

²⁴ Богатуров А.Д. Мировая политика в теоретическом дискурсе. // Мировая политика: теория, методология, прикладной характер. С. 199.

работах В.В. Михеева, М.А. Потапова, Ю. В. Шишкова, В.О. Кистанова, С.Н. Гончаренко, И.С. Целищева, Э.С. Гребенщикова, В.Н. Лунина, А.А. Иванова, Г.М. Костюниной.²⁵

Интересной работой, посвященной изучению военно-политических тенденций в АТР, стала монография сотрудника ИДВ РАН В.Е. Петровского о режимах безопасности.²⁶ Автор, опираясь на зарубежные теории в данной области, достаточно подробно изучает эволюцию системы безопасности после инициатив М.С. Горбачёва по разоружению 1986 и 1988 годов, положивших конец «холодной войне» в этой части мира.²⁷ В исследовании показывается постепенное складывание многосторонних режимов транспарентности и мер доверия в военной сфере, ограничительных режимов (нераспространения), хотя и оговаривается, что основным механизмом остаются двусторонние альянсы и возникновение системы коллективной безопасности, наподобие европейской, маловероятно.

В ИМЭМО работа над вопросами региональной интеграции активизировалась с приходом Г.И. Чуфрина на пост главы Центра Азиатско-тихоокеанских исследований в 2002 году. Итогом стал коллективный труд Г.И. Чуфрина, В.Б. Амирова, А.Н. Федоровского, А. Н. Рогожина, В.Г. Гельбраса, В.К. Зайцева и других авторов «Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом».²⁸ В монографии анализируются как общие тенденции регионального развития, так и реагирование на азиатский финансовый кризис отдельных игроков (США, КНР, Японии, Южной Кореи, АСЕАН).²⁹

В рамках мирополитического направления, согласно классификации А.А. Кокошина, существует два подхода—системно-структурный и ментальный.³⁰

²⁵ *Михеев В.В.* Глобализация и азиатский регионализм: вызовы для России. М., 2001; *Потапов М.А.* Внешнеэкономическая модель развития стран Восточной Азии. М., 2004; *Шишков Ю.В.* Интеграционные процессы на пороге XXI века: Почему не интегрируются страны СНГ. М., 2001. С. 323-343; *Кистанов В.О.* Япония в АТР: анатомия экономических и политических отношений. М., 1995; Его же. АТР на пороге XXI века: к тихоокеанскому сообществу «азиатским путем»? // «Проблемы Дальнего Востока», 1998. № 1. С. 28-39; *Гончаренко С.Г.* Рабочие группы, комитеты и другие органы АТЭС: основные направления деятельности. // «Проблемы Дальнего Востока», 1998, № 4; *Его же.* Саммит АТЭС в Куала-Лумпуре. // «Проблемы Дальнего Востока», 1999, № 1; *Его же.* Саммит АТЭС в Шанхае. // «Проблемы Дальнего Востока», 2002, № 1. С. 36-45; *Целищев И.С.* Сотрудничество в АТР: основа, возможности, специфика. // «Мировая экономика и международные отношения», 1991, № 11. С. 25-36. № 12. С. 25-38; *Гребенщиков Э.С.* Тихоокеанская региональная интеграция. // «Мировая экономика и международные отношения». 1993, № 1. С. 86-95. *Лунин В.Н.* АТЭС: вступая во второе десятилетие. // «Латинская Америка», 2000. № 7. С. 26-42. *Иванов А.А.* Ядро интеграции в АТР. // «Международная жизнь», 2003, № 2. С. 17-24. *Костюнина Г.М.* Азиатско-тихоокеанская экономическая интеграция. М., 2002.

²⁶ *Петровский В.Е.* Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после «холодной войны»: эволюция, перспективы российского участия. М., 1998.

²⁷ Там же, с. 14-16.

²⁸ Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом. Под ред. Г.И. Чуфрина. М., 2004.

²⁹ Там же, с. 6-7.

³⁰ *Кокошин А.А.* О системно-структурном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям. М., 2006.

Системно-структурный подход рассматривает мировую политику не как совокупность двусторонних отношений отдельных стран, а как систему, обладающую собственной логикой развития. С середины 1950-х годов в СССР и США стала разрабатываться «общая теория систем» применительно к техническим, биологическим и социальным наукам. Общим для них стало «признание того, что система—это не просто совокупность отдельных структурных элементов, единиц (частиц, индивидов), а совокупность отношений между ними, их взаимодействие и взаимозависимость».³¹

Для нашей темы особое значение имеет монография А.Д. Богатурова «Великие державы на Тихом океане», рассматривающую восточноазиатскую региональную систему в послевоенную эпоху с позиций структурного реализма.³² Ключевое понятие концепции исследования — стабильность, которая понимается, как «силовое» равновесие. Стабильность может быть статической (статус-кво) и динамической. Статус-кво не допускает движения, именно поэтому в подобных системах постепенно накапливается конфликтный потенциал, приводящий к разрушению. Динамическая стабильность, напротив, является системой предполагающей изменения, но без причинения ущерба безопасности для её фундаментальных основ, т.е. является упорядоченным движением. Первую модель учёный относит к конфронтационной стабильности СССР-США, а вторую к восточноазиатской среде.

В какой-то мере эталонной стала совместная работа М.И. Крупянко и Л.Г. Арешидзе о природе конфликтов и сотрудничества в Восточной Азии после «холодной войны».³³ Региональные отношения оцениваются авторами с точки зрения неореалистической логики баланса сил, которая диктует КНР политику уравнивания мощи США, а Японии и Южной Корее совместного балансирования против Пекина. Несовпадающие интересы, по мнению авторов, основных игроков увеличивают конфликтный потенциал таких проблем, как Корейский полуостров, Тайваньский пролив, Южно-Китайское море, а экономическое сотрудничество способно его нивелировать.

³¹ Кокошин А.А. О системно-структурном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям. М., 2006. С. 10.

³² Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). М., 1997. <http://www.obraforum.ru/lib/book5/index.htm>

³³ Крупянко М.И. Арешидзе Л.Г. Восточная Азия после «холодной войны». М., 2006; см. также: Арешидзе Л.Г. Международные отношения в Восточной Азии. М., 2007.

Теоретические и методологические основы исследования.

В данном диссертационном исследовании первостепенное значение имеет то, что мировая политика рассматривается с точки зрения субъекта, а не умозрительной системы или детерминизма «среды». Акцент на субъективном факторе возвращает нас в русло анализа политики в категориях поведения великих держав, в парадигму классического реализма Г. Моргентау. Интеллектуальные истоки данного направления берут своё начало также в реалистической тенденции советской марксистской науки, которая наметилась в 1930-40-х годах. Данная тенденция, (по сути, убежденность, что мировую политику делают великие державы), оценивавшая историю международных отношений с точки зрения главных действующих лиц, имплицитно присутствовала в советской науке наряду с марксистскими интерпретациями.³⁴ Хотя эта традиция представляется нам наиболее плодотворной, слабым местом, сделавшей её во многом неадекватной реалиям послевоенного времени, является идеологизированное (т.е. формационное или внеисторическое, как в классическом реализме) понимание «интересов», руководящих поведением государств.

Значительной помощью в изучении поведения субъекта и понимании его интересов может стать сфокусированный анализ условий формирования интересов игроков, выбора средств их достижения, закономерностей при столкновении со стратегиями иных участников. В изучении данных вопросов мировая гуманитарная наука достигла больших успехов и следование в данном направлении невозможно без учёта её успехов. В частности, семиотическая школа в СССР (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский), не противостоявшая открыто марксизму, но исподволь формировавшая альтернативную концептуальную базу, рассматривали идеологию, как систему семиотических механизмов. Согласно этим взглядам, именно подобные «символические сети» культуры организуют идеологические системы и регулируют поведенческие стратегии.³⁵ Многие действия субъектов не могут быть адекватно интерпретированы вне их идейно-культурно контекста. Без

³⁴ Она получила блестящее начало в «Истории дипломатии» под ред. В.П. Потемкина (1941-1945), «Истории дипломатии» под ред. А.А. Громько, работах Е.В. Тарле, Л.Н. Иванова, В.М. Хвостова, А.Л. Нарочницкого, Л.И. Зубок, А.С. Ерусалимского и др. международников.

³⁵ См. например: *Лотман Ю.М. Успенский Б.А.* Отзвуки концепции «Москва-третий Рим в идеологии Петра Первого. (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // *Лотман Ю.М. Избранные статьи.* Т. III. Таллинн, 1993; *Успенский Б.А.* История и семиотика: Восприятие времени как семиотическая проблема // *Тр. По знаковым системам.* Тарту, 1989. (Сб.) 23. Вып. 855. С. 18-38; *Его же.* *Historia sub specie semioticae* // *Культурное наследие Древней Руси: (Истоки. Становление. Традиции).* М., 1976. С. 286-292.

изучения семиотического поля даже те из них, которые представляются очевидными, могут быть истолкованы превратно.

Соответственно, формирование стратегии (как совокупности целей и средств) США в отношении АТЭС в данном исследовании изучается на фоне мозаики общих представлений американской элиты о месте и роли их страны в мире, реконструкции логики действий во внешней политике, экономике и других сферах.

В последнее время внимание российских учёных всё больше привлекают темы, которые можно отнести к ментальному подходу. Исследовались стратегическая культура субъектов и её связь со стратегическим управлением, восприятие внешнеполитической роли России в мире (А.А. Кокошин); дискурс политического и академического сообществ США (Т.А. Шаклеина, А.И. Уткин); анализ официальной пропаганды властей КНР (Ю.М. Галенович); несоответствие семиотических систем России и США и связанные с этим проблемы понимания (И.А. Зевелёв, М.А. Троицкий); общетеоретические проблемы внешнеполитического сознания (Н.А. Косолапов).³⁶

Представленное в данном исследовании семиотическое понимание стратегии Вашингтона, как думается, позволяет избежать упрощений и связанных с ними ошибок. Однако после прозрений системно-структурного подхода не продуктивно ограничиваться анализом исключительно внешней политики, необходимо определить также отношение актора (агента) к системе.

Если оставаться на точке зрения субъекта, но при этом принять во внимание открытия системно-структурного направления, между уровнем анализа внешней политики государств и уровнем анализа структуры международных отношений в целом (как объективной конфигурации материальных потенциалов), появляется новый уровень — взаимодействия государств (или «микроструктуры» в терминологии американского конструктивиста А. Вендта).³⁷ Данное измерение включает в себя как «изучение качеств и свойств субъекта, так и структуру их взаимодействия, которая определяется конфигурацией желаний, убеждений,

³⁶ Кокошин А.А. Армия и политика. Военная доктрина. М., 1999; *Его же*. Стратегическое управление: Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М., 2003; *Его же*. Россия в современной системе обеспечения глобальной стабильности: политика и восприятие. М., 2008; Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). М., 2002; Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века. М., 2000; *Его же*. Новый мировой порядок. М., 2006; Галенович Ю.М. Россия-Китай-Америка: От соперничества к гармонии интересов? М., 2006; Зевелёв И. А. Троицкий М.А. Указ соч.; Косолапов Н.А. Внешнеполитическое сознание: категория и реальность // Богатуров А.Д. Косолапов Н.А. Хрусталёв М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М., 2002. С. 207-222.

³⁷ Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, 1999. P. 145-147.

стратегий и возможностей сторон».³⁸ Важно то, что качества субъектов сами по себе не могут объяснить результатов этого взаимодействия, но сама структура ситуации задает определенный результат. Примеры в изобилии предоставляются теорией игр и, как показывается в исследовании, могут дать объяснение роли АТЭС в дипломатии Вашингтона (например, в «тройной игре» администрации Клинтона).

Исследование закономерностей взаимодействия является важным для понимания проблем международного сотрудничества, хотя оно и не заменяет и, тем более, не отменяет системно-структурного подхода и его достижений. В частности, весьма плодотворной, как точка отсчёта, представляется описанная выше теория А.Д. Богатурова о «пространственном» (или объектном) типе структуры международных отношений в Восточной Азии.³⁹ Хотя мы не исходили из принадлежности региона ко второму типу а ргіогі, методология анализа взаимодействия субъекта и «среды», предложенная Богатуровым, была применена в диссертационном исследовании для изучения роли политики США в отношении АТЭС, способности Вашингтона, преодолевая сопротивление и инерцию «фоновых» (или конкурирующих) стран, добиваться структурных изменений.

В целом, для решения задач, поставленных в диссертационном исследовании, использовались самые разнообразные достижения отечественной и зарубежной теории международных отношений. Принимая во внимание широкий набор, описанных выше методов и аналитических инструментов, большое внимание в работе уделено тому, чтобы выстроить оригинальную логически взаимосвязанную методологию.

Структура работы. В соответствии с целью и задачами исследования работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Диссертационное исследование построено по проблемно-хронологическому принципу, что позволяет рассмотреть ключевые проблемы политики США в отношении АТЭС в исторической перспективе.

³⁸ *Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, 1999. P. 148.*

³⁹ *Богатуров А.Д. Среда — против лидеров. «Пространственная структура» самоорганизации международных отношений в Восточной Азии // Богатуров А.Д. Косолапов Н.А. Хрусталёв М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М., 2002. С. 266-282.*

Введение содержит обоснование актуальности, хронологических рамок и научной новизны работы, определение целей и задач, анализ источников и литературы, описание методологии исследования.

Первая глава посвящена образованию форума АТЭС, участию администрации Буша-старшего в этом процессе и месте АТЭС в региональной и глобальной политике США. Форум не был детищем американской дипломатии, несмотря на возникновение в конце 1980 годов нескольких проектов по азиатско-тихоокеанской интеграции. Из-за фактора СССР, который мог получить доступ в создававшиеся многосторонние форматы, и ориентации на глобальные цели, а не региональную обособленность, Вашингтон предпочитал не форсировать развитие межправительственного институционального сотрудничества в АТР.

На первом этапе австралийское предложение не включало США в качестве возможного члена. Напротив, форум замыслился Австралией и отчасти Японией, как рычаг для переговоров в ГАТТ, в том числе и против США. Благодаря удачной тактике Вашингтону удалось оказаться в числе главных архитекторов форума, во многом определить его облик. Основными задачами американской политики, как представляется, были восстановление конкурентоспособности экономики через расширение экспорта (окончание Уругвайского раунда ГАТТ), с одной стороны, и вовлечение Японии в «глобальное партнёрство», предотвращение её обособления и противостояния американской гегемонии, (что предусматривалось в проекте «Восточноазиатского Экономического Совета»), с другой. АТЭС в обоих случаях выполняло инструментальную и далеко не основную роль. Из-за опасений стран АСЕАН, зафиксированных в т.е. «Кучингском консенсусе», форум на данном этапе представлял собой довольно аморфное образование без чётких целей, отлаженных механизмов и эффективной структуры. Тем не менее, АТЭС выполнял важную роль в формировании у своих членов форума «привычек сотрудничества», постепенном вовлечении в совместные проекты различных стран региона, включая коммунистический Китай и непризнанный Тайвань.

В проекте «Нового мирового порядка» администрации Буша, АТЭС отводилась важная роль «соединительной ткани» в АТР, среды для «глобального партнёрства» с Японией. После неудач в попытке влияния на Уругвайский раунд Вашингтон стал придавать основное значение геополитической, а не экономической функции

форума, но в целом АТЭС занимал периферийное место в политике в период Буша-старшего в АТР, что выразилось в отсутствии на Бангкокской конференции 1992 года госсекретаря и торгового представителя США.

Вторая глава содержит анализ политики Вашингтона в период наибольшего значения АТЭС, когда форум оказался в центре азиатско-тихоокеанской политики США. Связано это было со стратегией администрации Клинтона, которая была нацелена на решение задач поднятия конкурентоспособности экономики США. Данные задачи привели в администрацию представителей новой экономической идеологии, ориентированной на радикальное расширение американского экспорта высоких технологий, и к необходимости перехода на новые механизмы доминирования Вашингтона в регионе. В Бюро по делам Восточной Азии Госдепартамента созрело решение о возможности формирования «нового тихоокеанского сообщества», которое бы объединяло всё пространство Тихого океана на экономической и идеологической основе, с опорой на многосторонние структуры, (в первую очередь, АТЭС) и отказом от традиционного баланса сил. Проект стал одним из наиболее масштабных примеров применения «мягкой силы» США. С помощью его представления мобилизовался целый пласт идейно-культурных представлений, который обосновывал присутствие США в АТР независимо от военно-политической лояльности союзников и односторонних экономических уступок восточноазиатским странам.

Стратегия, связанная с командой Клинтона, предполагала коренную трансформацию региональной и мировой систем. Идеологический фактор сыграл ключевую роль в том, что восприятие интересов в Вашингтоне переменялось. Новая администрация полагала приоритетом, во-первых, восстановление превосходства американской экономики, во-вторых, «расширение сообщества демократических государств», т.е. идеологическое переустройство мира. Наиболее эффективным инструментом в достижении этих целей, как предполагали, является строительство превращение АТЭС в региональный режим торговой либерализации.

В главе прослеживается судьба попытки команды Клинтона сформировать торговый режим в АТЭС, чему было положено начало на саммите в Сिएтле в 1993 году и подведён солидный фундамент в Богоре в 1994 году в форме принятия всеми членами обязательств по снижению тарифов к 2010 и 2020 годам (для

развитых и развивающихся стран). Первоначальный сильный импульс из Вашингтона в форме проекта «нового тихоокеанского сообщества», организации саммита лидеров, деятельности «Группы именитых лиц» из учёных стран АТЭС под руководством американских экономистов привёл к изменению контекста отношений в АТР и на многосторонних переговорах в ВТО. По отзывам переговорщиков, угроза появления торгового блока, охватывающего весь Тихий океан, заставила представителей Европы быть более уступчивыми. После образования ВТО, согласно концепции «соревновательной либерализации» американского экономиста Ф. Бергстена, функцией АТЭС могло быть перманентное давление на остальной мир в продолжении снижения тарифов.

В то же время образование «сильного» режима в АТЭС и форсирование снижения тарифов расценивалось различными странами Восточной Азии, как ущемление суверенитета, и противоречило их пониманию своих экономических интересов. Поэтому постепенно сопротивление формированию режима в восточноазиатских странах нарастало. Престиж США падал из-за идеологического подхода к отношениям со странами Восточной Азии, что вынужден был признать один из архитекторов данной политики У. Лорд в докладной записке в Госдепартамент.

Одновременно в самих США влиятельные силы также пытались заблокировать активную внешнеэкономическую политику администрации после 1994 года. Преломление политики Белого дома через сопротивление внешней и внутренней среды привело к переходу на традиционные рельсы баланса сил и военно-политических союзов и установлению особого механизма действий в АТЭС — «концерта односторонних действий» или «азиатского пути», главными принципами которых были односторонность и добровольность на предварительных встречах перед саммитом в Осаке 1995 года. Фактически это означало, что первая попытка консолидации режима дала весьма слабый эффект, что было подтверждено результатами «индивидуальных планов действий».

Третья глава посвящена периоду, когда неудача превращения АТЭС в режим торговой либерализации стала вполне очевидна, тем не менее, экономики форума продолжали поиск наиболее адекватной модели сотрудничества. «Концерт односторонних действий», ставший основным механизмом либерализации в АТЭС

со времени саммита в Осаке предусматривал ставку на мягкое «репутационное» давление и осознание всеми членами форума либерализации торговли, как выгоды, благодаря социализации. Стремление придать легитимность этому подходу обусловило апелляцию Японии к «азиатским ценностям». Эффективность метода не была доказана к моменту демонстрации «индивидуальных планов действий» на Манильском саммите 1996 года, так как, большинство экономик предпочитало сохранить торговые уступки в качестве козырей на других переговорных площадках, многосторонних или субрегиональных. Невозможность сформировать «сильный» режим региональной торговой либерализации привела к двум тенденциям. Во-первых, США стали более заинтересованы в преобразовании форума в площадку для обсуждения военно-политических вопросов (особенно в свете обострения Тайваньского кризиса 1995 года и провозглашения политики вовлечения КНР), о чём представители администрации намекали во время Осацкого саммита. Во-вторых, развивающиеся страны всё более настоятельно требовали активизации экономико-технического сотрудничества (т.е. приоритетному вниманию развитию инфраструктуры, а не либерализации торговли и инвестиций), чему был дан особенно сильный импульс в Маниле.

Период Азиатского финансового кризиса 1997-1998 года характеризуется последней попыткой, под давлением США и других активистов АТЭС (Австралии, Гонконга и др.), превратить форум в эффективный режим и уйти от практики «азиатского пути» в форме программы «ускоренной секторальной либерализации». Благодаря логике «пакетных» переговоров, когда снятие тарифов экономики должны были проводить во всех установленных секторах, в различных экономиках региона, в том числе и в американской, мобилизовались коалиции бизнеса. Лоббистские группы, заинтересованные в доступе на свои сегменты зарубежных рынков, как планировались, оказывали бы давление на правительства в принятии всего «пакета». Позиция Японии, не соглашавшейся снять барьеры в чувствительных для неё секторах, а также поддержка других стран Восточной Азии на фоне разразившегося в Азии финансового кризиса, привели к провалу программы.

Другим существенным моментом являлся отказ США от использования АТЭС как главного инструмента урегулирования кризиса на саммите в Ванкувере в 1997

году, когда была подтверждена ключевая роль МВФ. С точки зрения интересов Вашингтона последний институт был более удобным средством принуждения стран, попавших под угрозу финансового краха, к проведению структурных реформ. Реформы призваны были создать более прозрачные, конкурентные и дерегулированные экономические системы, более доступные для проникновения американского капитала. Если в МВФ, где существовала система голосов, Вашингтон мог принимать и проводить в жизнь самостоятельные решения, то в АТЭС, с его принципом консенсуса, США были вынуждены согласовывать позиции с Японией, КНР, странами АСЕАН и т.д. и вряд ли смогли достигнуть своих целей, используя форум. Результатом стало кардинальное понижение статуса АТЭС в региональных делах.

Следствием Азиатского финансового кризиса и недовольства стран Восточной Азии принуждением их к структурным реформам являлось также фундаментальное переосмысление основ «Вашингтонского консенсуса», т.е. той парадигмы экономической политики, которая во главу угла ставила либерализацию торговли и инвестиций. Вместо этого видные экономисты стали говорить о необходимости формирования «пост-вашингтонского консенсуса». Поворот к проблемам развития и конкуренции в АТЭС нашёл выражение в выдвижении под влиянием КНР и стран АСЕАН на первый план «третьей основы» сотрудничества — Экотек (экономико-технического сотрудничества, нацеленного на развитие инфраструктуры экономического роста стран АТЭС).

Провал секторальной программы и переориентация повестки форума на вопросы Экотек и «новой экономики» привели к стабилизации институционального развития форума на модели, которую можно во многих аспектах сравнить с ОЭСР. Несмотря на отсутствие разветвлённой бюрократии, что делает парижскую организацию «центром стратегического планирования» глобальных тенденций мировой экономики, АТЭС де-факто обладает «виртуальным секретариатом» и потенциалом оказывать не меньшее идеологическое влияние в регионе. В то же время наличие института саммитов превращает форум в важнейший политический механизм. Эта функция проявлялась в ходе двусторонних встреч лидеров, в Окленде во время разрешения

кризиса в Восточном Тиморе и, особенно, после прихода администрации Буша-мл. в Шанхае в отношении борьбы с терроризмом.

Приход к власти администрации Дж Буша-мл. изменил значительно представления Белого дома о национальных интересах Америки. Под воздействием неконсервативной идеологии, Вашингтон стал стремиться к «первенству», к недопущению восхождения равноценного соперника. В мировой политике в начале 2000-х годов таковым мог стать только Китай, поэтому возможность перехода к политике «сдерживания» КНР некоторое время рассматривалась в администрации, как приоритетная стратегия. В этих новых условиях не могли не измениться интересы США в отношении АТЭС, который должен был постепенно превратиться в организацию с военно-политическими очертаниями. События 11 сентября 2001 года изменили приоритеты Белого дома, «сдерживание» Китая не представлялось больше первоочередной целью, но объявленная Вашингтоном «война с терроризмом» позволила США дать новое направление сотрудничеству в АТЭС — в сторону вопросов безопасности. Хотя эта тенденция и не стала доминирующей в форуме, но с течением времени она не уменьшается, а только усиливается.

В *Заключении* содержится анализ итогов работы в более масштабном контексте теории международных отношений. Отмечается, что в центре внимания данного исследования попытка США преобразовать АТЭС в эффективный режим либерализации торговли и инвестиций. На первом этапе, в период администрации Буша-старшего, как показано в исследовании, Вашингтон не уделял большого внимания форуму, придавая основное значение его геополитической составляющей и потенциалу по предотвращению обособления Восточной Азии под руководством Японии.

Команда, пришедшая в Белый дом вместе с Клинтоном, исповедовала другую философию. Приоритет модернизации экономики и глобальный идеологический проект «расширения сообщества демократических государств» привёл к формированию новой политики, важнейшим элементом которой стало создание режима либерализации торговли в АТЭС. У администрации Клинтона существовало два основных мотива образования режима: создание «достоверной угрозы» в игре «уговаривания» с ЕС в Уругвайском раунде ГАТТ, а позднее, рычаг для постоянного давления в «соревновательной либерализации» мировой

экономики, и более интегрированной структуры в АТР с участием США, которое могло бы сформировать «коллективную идентичность». Последнее было необходимо Вашингтону, чтобы его влияние на региональные дела не зависело от двусторонних механизмов гегемонии, бремя которой, в виде огромных дефицитов торгового баланса, воспринималось как непосильное для американской экономики. Для достижения этих интересов необходимо было превращение форума в «сильный» международный режим.

Судьба режима в АТЭС обуславливалась не только интересами США, но и их возможностью влиять на положение дел в АТР, изучение которой стало одним из направлений анализа. Следует признать, что первоначальный импульс Вашингтона и «экспертного сообщества» привел к изменению глобального и регионального контекста, что выразилось в принятии членами АТЭС формальных обязательств по либерализации торговли на саммите в Богоре. Тем не менее, совпадение внутреннего противодействия в Конгрессе и внешнего сопротивления большинства стран Восточной Азии привело к тому, что Осакий саммит 1995 года закрепил довольно аморфную структуру АТЭС.

Цели либерализации торговли и инвестиций не отрицались, но метод «концерта односторонних действий» («азиатский путь») не предусматривал эффективных мер для формирования режима. Для достижения целей либерализации торговли (т.е. типичной ситуации «дилеммы заключенного», согласно Кохэйну и другим теоретикам), предполагались меры, которые могли быть успешны только для укрепления доверия. Идеологи «азиатского пути» в АТЭС делали ставку на особые механизмы «репутационного давления», предлагая механизм односторонних программ добровольного снижения тарифов, который не привел к существенному продвижению в данной области.

С точки зрения функциональной теории Кохэйна, причины неудачи «азиатского пути» в решении проблем торговой либерализации связаны с отсутствием таких механизмов, как юридическое принуждение и взаимность, которые могли бы мобилизовать внутренние бизнес коалиции, ориентированные на снижение тарифов и нейтрализовать протекционистские лобби.⁴⁰ В связи с этим, лидеры экономик АТЭС предпочитали сохранять важные уступки для торга в ВТО

⁴⁰ Ravenhill, John. Op. cit., p. 202-203.

или при реализации АФТА (зона свободной торговли АСЕАН), а некоторые (например, Филиппины), поддавшись на «репутационное давление» сначала, впоследствии отказывались от своих обязательств. Анализ ситуации в форуме показывает, что волонтаристские попытки навязывания организации не присущих ей функций или применения неадекватных методов неизбежно приводят к дискредитации организации и метода. Настроения разочарования в АТЭС, пришедшие в конце 1990-х гг. и забвение разрекламированного «азиатского пути» (а в Осаке в 1995 г. предполагалось даже, что ему будут подражать организации в других частях света) связаны с попытками формирования режима свободной торговли в 1993-1994 гг. и применения неадекватных методов. Экономики Восточной Азии были не готовы к созданию режима, и предпринимавшиеся попытки стали восприниматься, как угроза их суверенитету. В свою очередь, неэффективность методов «азиатского пути» для достижения целей режима, привела к сомнениям в целесообразности самого АТЭС.

Кроме недостатков «дизайна» АТЭС огромную роль сыграли внешняя реакция, внутренние противоречия, (которые касались дел форума косвенно) и неудачные обстоятельства в виде разразившегося в 1997 году кризиса, который резко изменил общий контекст и настроения восточноазиатских стран. Отсутствие результата в либерализации торговли не означает бесполезности для американской политики форума и «азиатского пути» в целом. Поскольку в процессе взаимодействия поведение, интересы и сама идентичность субъектов могут меняться, соответственно роль институтов, в том числе и АТЭС, может заключаться в социализации, а сам форум мыслиться, как «*среда социализации*», переориентирующая элиты на кооперативное поведение.⁴¹

Каналы воздействия форума на положение вещей в окружающем мире в новых условиях включают в себя два вида: дискурсивное, с помощью деклараций, докладов, отчётов, которые влияют на дискуссии экспертов и журналистов, и «ритуальное», осуществляемое благодаря ежегодным теле-шоу, в виде саммитов лидеров, которые одним фактом собрания, поддерживают определенное мировоззрение и настроение в регионе.

⁴¹ Johnston, Alastair Iain. Op. cit., p. 144.

Наконец, нельзя не отметить, что фундаментальной новой тенденцией стал поворот АТЭС в сторону проблем безопасности. Команда Буша-младшего менее привержена идее создания режима, её представителей устраивает настоящее аморфное существование группы, но настойчиво продвигает под разными предложениями включение военно-политических вопросов в повестку форума.